

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-4-10-37>

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОЖНОСТИ ТРАНСЛЯЦИИ СМЫСЛОВ И КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ

В.Н. Буркова

*Центр кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии
и антропологии Российской академии наук (Москва, Россия)
burkovav@gmail.com*

М.В. Бутовская

*Центр кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии
и антропологии Российской академии наук (Москва, Россия)
marina.butovskaya@gmail.com*

Н.Ю. Симаков

*МГИМО МИД России (Москва, Россия)
nik.simakov@inbox.ru*

Аннотация: Кросс-культурные исследования в антропологии и психологии сталкиваются с комплексом методологических вызовов, ключевым из которых является обеспечение адекватной трансляции вербальных и невербальных компонентов коммуникации между различными лингвокультурными системами. Целью данной работы является анализ методологических подходов, направленных на оптимизацию межкультурного профессионального дискурса, с фокусом на обеспечение точности перевода специализированных терминов и концептов, повышение эффективности интерпретации невербальной коммуникации и минимизацию ошибок интерпретационного характера. Ключевой проблемой признается достижение лингвистической, концептуальной и метрической эквивалентности при адаптации исследовательского инструментария, что осложняется отсутствием прямых эквивалентов и контекстуальной многозначностью концептов. Историко-научный экскурс демонстрирует эволюцию от ранних эволюционистских и диффузионистских парадигм к становлению культурного релятивизма и функционализма, которые подчеркивали уникальность культурных контекстов и выдвинули на первый план «дилемму Малиновского» о возможности валидного сравнения без упрощений. В практическом аспекте статья детально рассматривает процедуры кросс-культурной психометрии, направленные на минимизацию методических погрешностей. Подчеркивается важность оценки «культурно-лингвистической дистанции» и привлечения носителей целевой культуры для качественного анализа на этапах планирования. В качестве ключевых инструментов обеспечения валидности предлагаются метод обратного перевода (back translation) и пилотирование инструментария с элементами институциональной обратной связи. На конкретных примерах из авторских исследований (адаптация опросников родительских инвестиций,

изучение социальных перцепций в традиционных обществах) иллюстрируются трудности, возникающие при операционализации даже базовых демографических категорий, и обсуждаются возможные пути решения структурных и методологических проблем. Отдельное внимание уделяется методологическим аспектам применения визуальных стимулов, требующих кросс-культурной валидации для обеспечения сопоставимости данных. В качестве основного эмпирического кейса выступает международный проект по изучению тревожности, агрессии и эмпатии в период пандемии COVID-19 с участием респондентов из 23 стран. На его примере демонстрируются проблемы перевода и адаптации концептов, связанные с глубокой укорененностью семантики таких категорий, как пол, семейный статус и этническая принадлежность, в специфическом культурном контексте. Данные, полученные в традиционных обществах Азии и Африки в рамках этого проекта, подчеркивают, что универсальные метрики зачастую оказываются нерелевантными для описания локальных реалий.

Ключевые слова: кросс-культурные исследования, межкультурная коммуникация, профессиональный дискурс, кросс-культурный перевод, невербальная коммуникация, культурные нормы, методология исследований

Для цитирования: Буркова, В.Н., Бутовская, М.В., Симаков, Н.Ю. (2025). Кросс-культурные исследования: методологические сложности трансляции смыслов и культурных кодов. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 7(4), 10–37. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-4-10-37>

1. ВВЕДЕНИЕ

Представьте себе исследователя, стоящего на пороге неизведанной культуры. Его задача не просто описать увиденное, но и понять глубинную суть поведения, мыслей и ценностей людей, чей мир может радикально отличаться от его собственного. Именно с таким вызовом приходится иметь дело антропологам и психологам, работающим в кросс-культурном пространстве: им необходимо обеспечить адекватную трансляцию как вербальных, так и невербальных компонентов коммуникации. Это предполагает не только точный перевод специализированных терминов и концептов на язык иной лингвокультурной системы с сохранением их исходной семантики и контекстуальных нюансов, что само по себе требует глубокого знания обеих культур и языков, но и «перевод невербальных действий» (Eriksen, 2004), включая жесты, мимику и паралингвистические элементы. Подобная интерпретация смыслов невербальной коммуникации требует от исследователя глубокого погружения в обе лингвокультурные системы, поскольку одни и те же сигналы могут обладать диаметрально противоположной семиотической нагрузкой в различных обществах, создавая риск ошибочной интерпретации. Кроме того, многие невербальные коды являются уникальными для конкретных культур и не имеют прямых аналогов.

Генезис и воспроизведение данных культурных кодов определяются комплексом факторов, включая социальную стратификацию, дифференциацию материальных условий, а также специфику технологических практик, религиозных обрядов и культурных обычаяев. Иллюстрацией служит корреляция кастовой принадлежности с социальным статусом и уровнем материального благосостояния в индийских деревнях, что, в конечном счете, предопределяет доступ к образованию и векторам развития. У народов высокогорных ареалов Новой Гвинеи, наблюдаются автохтонные технологические компетенции, передающиеся из поколения в поколение, – например, в сфере изготовления орудий труда или возведения

жилищ из локальных природных материалов. В схожем ключе в Северной Норвегии сформировались адаптационные модели к экстремальным климатическим условиям, находящие отражение в пищевых практиках (доминирование морепродуктов) и сохранение традиционных методов рыболовства. В политическом контексте Ближнего Востока родственные связи зачастую составляют основу для формирования коалиций и оказывают существенное влияние на процессы принятия решений. Завершая анализ, следует отметить, что у коренных народов Амазонии концепции гендера могут значительно отличаться от западноевропейских нормативных конструктов.

Несмотря на то что полевые исследования в антропологии часто фокусируются на глубоком анализе одного-двух регионов, чтобы детально изучить конкретную культуру, религию или социальную группу, методологически необходимым остается наличие у исследователя широкого представления о глобальном многообразии культурных практик и мировоззренческих систем. Широкий сравнительный контекст позволяет минимизировать риски узкоспециализированного подхода и способствует формированию более комплексных и релевантных интерпретационных моделей для анализа человеческого опыта. Без учета этого контекста исследование рискует стать поверхностным или содержать этноцентристические искажения, так как культура предстанет редуцированно, тогда как ее следует рассматривать как сложную систему символов, норм и ценностей, сформированную под влиянием исторических, географических и социальных детерминант, а также в процессе взаимодействия с другими сообществами.

Осознание данных методологических сложностей инициировало многолетние усилия, направленные на разработку надежного методологического фундамента для кросс-культурных исследований. Начиная с середины XX века, в научном сообществе велась активная работа по созданию так называемого «кросс-культурного метода», призванного обеспечить подлинную сопоставимость эмпирических данных, полученных в различных культурных контекстах. Знаковым вкладом в этой области стала работа Дж. Берри (Berry, 1969), в которой был предложен регламентированный трехэтапный алгоритм. По своей сути, данный алгоритм представлял собой адаптацию классического сравнительного метода, традиционно используемого в антропологии, для решения исследовательских задач в области психологии. Предложенная процедура требовала от исследователя не механического сопоставления внешне сходных явлений, но последовательного достижения трех типов эквивалентности: лингвистической (обеспечивающей точность перевода диагностического инструментария), концептуальной (подтверждающей смысловую тождественность изучаемых феноменов в разных культурах) и метрической (демонстрирующей сопоставимость психометрических характеристик измерительных шкал). Только при соблюдении этих условий исследователь мог рассчитывать на то, что в процессе сравнения анализируются действительно однородные и сопоставимые элементы.

Современный этап развития научного знания отмечен экспоненциальным ростом интенсивности и масштабов кросс-культурных исследований, что напрямую связано с глобализацией, цифровой трансформацией и расширением возможностей международного академического обмена. Эмпирическим подтверждением служит динамика публикаций в *Google Scholar*: количество работ по запросу “cross-cultural research” демонстрирует стремительный рост — с ~20 000 до 1999 года, до >48 000 в 2000-2010 гг., и до >157 000 в 2011-2025 гг., что представляет собой более чем семикратный рост за последние 25 лет.

Деятельность научного сообщества все чаще реализуется в формате масштабных колабораций, ориентированных на комплексное изучение разнообразия человеческого опыта.

Ключевая цель этих изысканий сохраняет свою актуальность: она заключается в диахроматической задаче выявления универсальных, инвариантных для человечества характеристик и одновременно – в понимании уникальных, культурно-специфических паттернов.

Тем не менее, несмотря на значительное расширение масштаба исследований, первоначальные методологические трудности, сформулированные в работах Эриксена и Берри, не разрешены. Проблема адекватного «перевода» вербальных и в особенности невербальных компонентов коммуникации продолжает оставаться фундаментальным вызовом для межкультурных исследований. От него неотделимы риск этноцентристической слепоты, сложность достижения подлинной концептуальной эквивалентности и необходимость постоянной методологической рефлексии. Вооруженные новыми технологическими инструментами и междисциплинарными подходами, современные исследователи продолжают поиск оптимальных траекторий для навигации в этом сложном, но исключительно значимом поле межкультурного понимания.

Цель данной работы заключается в анализе методологических подходов, направленных на оптимизацию межкультурного профессионального дискурса. На материале исследований, проведенных в том числе авторами, рассматривается комплекс ключевых вопросов: (1) каким образом обеспечивается точность и адекватность перевода специализированных терминов и концептов между различными лингвокультурными средами; (2) каковы пути повышения эффективности интерпретации и передачи невербальных компонентов коммуникации; и (3) какие инструментальные средства способствуют минимизации ошибок интерпретационного характера. В первом разделе статьи представлен историко-научный экскурс, освещающий эволюцию наиболее репрезентативных теоретических парадигм в области кросс-культурных исследований – от античных истоков до современности – с акцентом на развитие сравнительных методов в антропологии. Далее рассматриваются ключевые аспекты кросс-культурной психометрии, связанные с проблемой минимизации методических погрешностей («method bias») и обеспечения конструктивной и метрической валидности при проведении межгрупповых сравнений в процессе адаптации диагностического инструментария. Особое внимание уделяется процедурам ранней идентификации потенциальных источников искажения, в частности, реализации метода обратного перевода («back translation») с привлечением нескольких независимых переводчиков, оценке «культурно-лингвистической дистанции» между исходной и принимающей культурами, а также принципам разработки полилингвальных версий тестов, учитывающих культурную специфику. В качестве иллюстративного материала приводятся конкретные методологические сложности, с которыми авторы столкнулись в процессе адаптации собственных опросных инструментов к культурным контекстам, включая, в частности, кросс-культурные различия в социальных перцепциях гендера и семейного статуса.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА

Хотя антропологии как академической дисциплине всего около века, вопросы, которые она исследует, уходят корнями в глубокую древность. Люди с давних времен задавались вопросами о природе человеческого разнообразия: являются ли различия между народами врожденными или формируются под воздействием окружающей среды? Что вызвало к жизни многообразие языков и каковы их фундаментальные отличия? Есть ли универсальные черты, объединяющие разные религии и верования? Какие формы управления государствами существуют, и как они функционируют в различных культурах? Можно ли представить

человечество в виде ступенчатой лестницы, ранжируя общества по уровню их развития или сложности? На протяжении веков философы, историки и религиозные деятели пытались найти ответы на них, формируя основы для понимания человеческой природы и культурного многообразия. Например, идеи о врожденных различиях получили развитие в эпоху античности и Средневековья, а концепции прогресса и развития – во времена эпохи Просвещения. Анализ разнообразия религиозных подходов выявляет общие мотивы и архетипы, что указывает на глубинные психологические структуры человека.

Как видим, стремление сравнивать культуры не ново. Начиная с Древней Греции, учёные по мере освоений ойкумены систематически описывали разные народы и их привычки. Геродот и другие античные историки оставили ценные сведения о самых разных народах – псоглавцах, кинокефалах, меотах, зихов и других. Их сочинения были полны домыслов, но зафиксировали и реальные сведения. По сути, с их описаний начался географический детерминизм: Гиппократ писал, что “азиаты менее воинственны, чем европейцы, потому что у них нет смены времён года. Жители гор более трудолюбивы и храбры, чем жители равнин” (Гиппократ, 1936); Аристотель описывал “народности, обитающие в странах с холодным климатом, на севере Европы, которые преисполнены мужественного характера, но интеллектуальная жизнь и художественные интересы у них менее развиты” (Лосев, Тахо-Годи, 2005). Путешествия и отчеты средневековых исследователей и торговцев представляют собой уникальный источник знаний о географическом положении, этническом составе и историческом развитии различных народов мира. Например, «Книга о разнообразии мира» Марко Поло, несмотря на существующие сомнения относительно точности некоторых описаний, остается важнейшим источником информации об обычаях, культуре и географических особенностях народов Армении, Ирана, Китая, Казахстана, Монголии, Индии, Индонезии в эпоху Средневековья.

Как и другие гуманитарные дисциплины, антропология сформировалась как самостоятельная область научного знания в Европе в конце XVIII века, на волне интеллектуального расцвета эпохи Просвещения. На протяжении предшествующих столетий миссионеры, колониальные чиновники и путешественники собирали разнообразные – хотя и не всегда точные – сведения о народах дальних стран. Эти накопленные эмпирические данные впоследствии стали основой для первых теоретических обобщений о культурных различиях. «Поначалу антропология представляла собой собрание разрозненных и странных фактов, не более. Но мало-помалу становилось ясно, что этот хлам, эти отходы имеют гораздо большее значение, чем можно подумать» (Леви-Стросс, 2016).

Начиная с середины XIX в. доминирующее положение завоевала группа теорий, обычно называемых эволюционизмом. В трудах антропологов-эволюционистов (в Англии – Г. Спенсер, Э. Тайлор, Дж. Фрэзер; в Германии – А. Бастиан, Т. Вайц, Г. Шурц; во Франции – Ш. Летурно; в США – Л. Морган) зародился сравнительный подход, который, однако, был значительно дискредитирован к концу XIX века. Главным камнем преткновения стало то, что эти ранние сравнения строились без опоры на полевые исследования, что неизбежно вело к поверхностным и часто ошибочным выводам. Более того, антропологи-эволюционисты рассматривали развитие как линейный путь от простого к сложному, от примитивного к цивилизованному. Из верной идеи о единстве человечества делался неверный вывод о его единообразном развитии, т. е. развитии однолинейном, лишенном конкретно-исторической вариативности и тех красок, которые придает историческому развитию географическая и этническая специфика.

Следующим важным этапом в развитии антропологических теорий стало возникновение концепции диффузионизма, разработанной Ф. Ратцелем, Ф. Гребнером, У. Риверсом и К. Уисслером и указывающей на значимость изучения паттернов распространения определенных культурных элементов. Они опровергали идею своих предшественников о внутренней детерминированности культурного пути, о наличии у культуры внутреннего импульса и внутренних механизмов саморегуляции и инноваций, которые со временем приводили к появлению новых социальных институтов, технологий и культурных практик. Диффузионисты же утверждали, что изменения по большей части происходили через взаимодействие и заимствование элементов у соседних или контактирующих обществ. Например, распространение технологий, мифологических сюжетов или обрядовых практик могло происходить благодаря торговым путям, миграциям или завоеваниям. Существенным ограничением диффузионистского подхода являлась невозможность однозначно установить причинно-следственные связи между культурами, находящимися на значительном удалении друг от друга. Даже при явном сходстве элементов (например, похожих инструментов или мифологических сюжетов) всегда остается вероятность их автохтонного возникновения. Тем не менее, сама идея культурного заимствования востребована до сих пор, особенно в изучении глобализационных процессов, где трансграничное распространение идей и практик признается фундаментальным явлением.

К основоположникам «истинной» антропологии относят Франца Боаса, который вместе с учениками, такими как Маргарет Мид и Рут Бенедикт, заложил основы культурного релятивизма; Бронислава Малиновского, известного своими исследованиями социальных структур и методов полевого исследования; Альфреда Р. Рэдклифф-Брауна, внесшего значительный вклад в теорию культурных процессов; и Марселя Мосса, который развивал идеи о динамике культурных изменений и их взаимосвязи с историческими условиями.

Революционная теория культурного релятивизма, ставшая фундаментальным ориентиром в современном изучении человеческих обществ, кардинально изменила подходы к интерпретации культурных различий. Эта теория подчеркивает, что культуры постоянно подвергаются трансформациям и развитию, а любые обобщения о людях и их обществах требуют проверки на межкультурную валидность, чтобы избежать предвзятости и этноцентризма. Важнейшими постулатами релятивизма является положение о том, что не существует такой культуры, которая могла бы объективно считаться лучше или выше по статусу по сравнению с другой. Каждый народ воспринимает и интерпретирует мир вокруг себя сквозь призму собственных традиций, обычая и моральных стандартов, которые формируют уникальную систему ценностей. Эти идеи легли в основу современных методов в области кросс-культурной антропологии, психологии и социологии. Важной задачей таких исследований является развитие способности видеть мир «глазами» представителей изучаемых культур – то есть максимально приблизиться к точке зрения «местных информантов», понять их ценности и интерпретации.

Становление функционализма в 1920-х годах значительно усилили идеи о культурном релятивизме и межкультурном понимании. Одним из наиболее влиятельных представителей этого направления стал Бронислав Малиновский, признанный классик этнографических полевых исследований, который считал их наиболее ценным инструментом для получения достоверных знаний о культуре как системе взаимосвязанных элементов. В своих фундаментальных трудах о тробрианцах, вершиной которых стали знаменитые «Аргонавты Западного Тихоокеанского региона» (Малиновский, 2015), Малиновский раскрыл методологическую ценность скрупулёзного, длительного и детализированного исследования небольшого сооб-

щества. Он подчеркивал, что каждую культуру необходимо рассматривать исключительно в ее уникальном историческом и социальном контексте, поскольку только такой шаг делает возможным глубинное понимание её внутренней логики и функционирования. Другой функционалист Альфред Рэдклифф-Браун и его научная школа концентрировались на анализе механизмов социальной интеграции, уделяя особое внимание роли общественных институтов в поддержании устойчивости социальной системы. В их теоретических построениях индивидуальные акторы отходили на второй план, так как рассматривали их, прежде всего, как исполнителей предписанных социальных статусов и ролей (Radcliffe-Brown, 1913).

Функционалисты, в особенности Б. Малиновский, скептически относились к самой возможности межкультурного сравнения, полагая, что сопоставление институтов или практик из разных культурных миров – занятие бесплодное. Эта фундаментальная проблема вошла в историю как «дилемма Малиновского»: как сравнивать, не впадая в упрощения и не игнорируя уникальность каждого культурного целого? Риск стереотипизации и по настоящее время является одной из важнейших проблем кросс-культурных исследований. Культурный релятивизм Боаса, впоследствии развитый Мелвиллом Херсквицем, был несколько менее категоричен. Он не отрицал сравнение в принципе, но открыто предостерегал от него, если оно неизбежно окрашено этноцентрическими оценочными суждениями.

2.1. Поиски выхода: от теории к практике

После Второй мировой войны ученые сделали преодоление трудностей сравнения различных культур и поиск универсальных основ для межкультурных исследований своей ключевой задачей. Клайд Клакхон выдвинул новаторскую концепцию в области сравнительного анализа культур, основываясь на предположении, что настоящее и глубокое сравнение между культурами становится осуществимым лишь при условии выявления тех аспектов, которые не зависят напрямую от особенностей конкретной культуры (Kluckhohn, 1953). Его подход состоял в поисках фундаментальных общих элементов, «знаменателей», то есть универсальных черт, которые лежат в основе человеческой природы и проявляются на уровне биологических основ, психических процессов или базовых механизмов социального взаимодействия, на основе которых становилось возможным строить валидные сравнения между культурами. В дальнейшем Уолтер Гольдшмидт сделал акцент на поиске универсальных социальных проблем и функций социальных институтов в решении схожих задач, призвав не ограничиваться определением отдельных культурных институтов, которые действительно уникальны для каждой культуры (Goldschmidt, 1966). Например, все общества сталкиваются с вопросами социальной организации, распределения ресурсов или регулирования конфликтов; изучая эти аспекты и их функции, можно делать более обоснованные межкультурные выводы. В области психологии дилемма Малиновского трансформировалась в вопрос о поведении: так как попытки сравнивать поведение вне контекста приводят к несопоставимым результатам и искажают понимание человеческой природы, необходимо интерпретировать любое действие человека только в контексте его среды – будь то культурная, социальная или экологическая.

Все существующие теоретические направления и методологические подходы, независимо от конкретной области социальных наук, в той или иной степени стремились разгадать одну из главных загадок антропологии: почему, начиная свою жизнь с примерно одинаковых биологических и когнитивных основ и обладая схожими физическими характеристиками и врожденными способностями в глобальном смысле, люди по всему миру по мере взросления превращаются в чрезвычайно разнообразных личностей и социальные группы.

Эти различия проявляются в уникальных моделях организации обществ, системах верований, культурных практиках, языках и мировоззрениях. Говоря словами антрополога Клиффорда Гирца: «Мы рождаемся с потенциалом для бесконечного числа судеб, но культура превращает этот потенциал в конкретную биографию» (Geertz, 1973).

2.2. Ответ практиков: рождение архива культур

В 1930-х годах Институт человеческих отношений Йельского университета столкнулся с проблемой: обширные этнографические данные (полевые дневники, зарисовки, публикации) были разрознены и практически недоступны для исследователей из смежных областей – психологов, социологов, экономистов. Даже самим антропологам было трудно найти репрезентативные и достоверные кросс-культурные примеры по конкретным вопросам, что привело к пониманию необходимости в систематизации. Под руководством Джорджа Петтера Мердока в 1938 году был разработан «Очерк культурных материалов», руководство по классификации и организации этнографических сведений, которое заложило основу для масштабного проекта по сбору и кодированию данных о культурах мира.

В 1949 году этот проект оформился в *Human Relations Area Files (HRAF)*, некоммерческую организацию, объединившую ученых со всего мира. Миссия *HRAF* – способствовать пониманию культурного разнообразия и общности. Созданные им базы данных (особенно известные *eHRAF World Cultures* и *eHRAF Archaeology*), начатые Мердоком и коллегами, стали важнейшим ресурсом для исследований. *HRAF* не только предоставляет систематизированный доступ к этнографическим материалам, но и активно поддерживает оригинальные исследования. Появление «каталога культур» Мердока стало поворотным моментом, предоставив исследователям инструмент для преодоления – хотя бы частично – тех методологических лакун, которые обозначили Боас, Малиновский и их последователи.

2.3. Минимизация культурно-лингвистических помех в адаптации тестов: фундамент валидных межкультурных сравнений

Процесс институциональной адаптации психометрических инструментов для различных культурных и языковых сред представляет собой значимую задачу академического управления качеством измерений, требуя строгого обеспечения процедурной эквивалентности, сопоставимости измерений и институционального контроля, в том числе над вариабельностью лингвистических конструкций и семантических полей. Главным вызовом академического дискурса становится минимизация влияния внешних факторов, опосредованных культурой и языком и не совпадающих с валидными операционализациями измеряемых конструктов, что соответствует принципу институциональной надежности. Игнорирование таких «паразитных» факторов («nuisance variables»), будь то особенности формата заданий, используемых материалов (изображений, символов, технологий), процедурных аспектов (временных ограничений, инструкций) или контекстуальных переменных (мотивации, опыта тестирования), неизбежно ведет к методологической погрешности («method bias») и ставит под сомнение саму возможность валидной интерпретации результатов и справедливости межгрупповых сравнений.

Успешное решение этой сложной задачи начинается с идентификации потенциальных источников искажения на самых ранних этапах проекта адаптации. Концептуальной основой для этого служит оценка «культурно-лингвистической дистанции» между исходной и целевой группами. Такой анализ, как предлагают ван дер Виджвер и Линг (Van de Vijver & Leung, 1997), требует тщательного рассмотрения различий в языке (структуре, семантике,

стилистике) и фундаментальных культурных измерениях (ценностях, нормах поведения, социальных структурах, религиозных и образовательных традициях, образе жизни). Поскольку эмпирическая оценка на старте проекта часто затруднена, такая работа в значительной степени опирается на решения квалифицированных специалистов и качественные методы.

Критическую роль здесь играет привлечение экспертов – носителей целевого языка и культуры. Простого владения языком переводчиком недостаточно; глубокое понимание культурных нюансов необходимо для выявления скрытых источников смещения, которые могут исказить смысл, восприятие заданий или сам процесс тестирования. Ярким примером служит исследование Хемблтона с соавторами (Hambleton et al., 1999), где при сравнении математических достижений американских и китайских школьников были выявлены проблемы, связанные не только с форматом и длиной теста, но и с целым спектром культурных особенностей. Для сбора необходимой информации используются методы наблюдения, глубинные интервью, фокус-группы и опросы, направленные на выяснение понимания инструкций, мотивации участников, их опыта работы с тестами, восприятия временных рамок и знакомства с оценочными шкалами. Если прямой сбор данных от целевой аудитории невозможен, максимально детализированная информация должна быть получена от переводчиков и культурных консультантов, причем часть этой аналитической работы целесообразно проводить до начала собственно лингвистической адаптации.

Хотя основная тяжесть минимизации нерелевантных влияний ложится на этапы планирования и качественного анализа, статистические методы предоставляют важные инструменты для контроля остаточных эффектов на этапе валидации адаптированного теста. К ним относятся, например, анализ ковариации (*ANCOVA*), позволяющий статистически уравнять группы по таким ковариатам, как уровень мотивации или знакомство со шкалами (Johnson, 2003), или методы сопоставления групп («*matching*») по ключевым потенциально искажающим переменным (Javaras & Ripley, 2007). В последние годы с развитием программирования все чаще используются методы моделирования взаимосвязей структурными уравнениями (*Structural Equation Modeling*). Этот современный статистический метод позволяет анализировать сложные взаимосвязи между наблюдаемыми и латентными переменными. Одним из видов такого анализа, применяемом при адаптации опросников в иноязычной среде, является Конфирматорный факторный анализ (*CFA*) (Kline, 2016).

Таким образом, минимизация влияния культурных и лингвистических факторов, не относящихся к сути измеряемого конструкта, представляет собой сложную, но абсолютно необходимую задачу. Она требует глубокого понимания культурного контекста, привлечения высококомпетентных носителей целевой культуры и систематического применения качественных подходов на ранних стадиях адаптации. Последующий статистический контроль служит важным, но вспомогательным механизмом. Неспособность адекватно решить эту задачу на концептуальном и практическом уровне подрывает валидность любых кросс-культурных сравнений, проводимых с помощью адаптированного инструмента.

Разработка нового академического инструментария для сбора данных с нуля создает предпосылки для институционального закрепления мультилингвальных моделей анкетирования, а также позволяет реализовать принцип культурной нейтральности и институциональной открытости. Данный подход позволяет минимизировать риски доминирования англо-американских концептуальных схем в академическом дискурсе. Отсутствие фиксированного исходного языка делает возможным разработку максимально точных и культурно нейтральных версий анкеты, что важно для межкультурных сравнений и повышения достоверности результатов (Sperber, 2004). В рутинной академической практике

подавляющее большинство исследовательских протоколов строится на адаптации англоязычных методик, что чревато институционализацией этноцентрической предвзятости, культурной гегемонией и формированием унифицированного аксиологического шаблона, что прямо входит в зону профессионального этического регулирования. (Sperber, 2004). Опросные формы, разработанные в первую очередь в странах Западной Европы, США и Канаде и апробированные на западных выборках, часто оказываются непригодными для использования в обществах с иным культурным и традиционным укладом жизни или требуют фундаментальной корректировки.

Академический кейс в нашем кросс-культурном исследовании, посвящённом анализу родительских инвестиций: модификация формулировок вопросов (например, «Мой отец следил за исправностью нашей машины» → «Мой отец следил за исправностью машины/ бытовых приборов»), иллюстрирует институциональные механизмы лексико-семантической адаптации с учётом культурного капитала, материального положения и экономической инфраструктуры социума (Буркова, 2023; Буркова и др., 2025). Схожие изменения потребовались и при работе с респондентами из государств Ближнего Востока, Африки и Азии, где автомобиль воспринимается как предмет роскоши, а не как обыденное средство передвижения. В рамках исследования детских социальных взаимодействий школьные вопросы о контактах со сверстниками пришлось заменить на вопросы о межличностных отношениях внутри социальных групп у детей коренных общин – хадза, охотников-собирателей, и датога, традиционных скотоводов из Танзании, которые зачастую не посещают школу (Butovskaya et al., 2019; 2020). Для успешного преодоления культурных различий и обеспечения сопоставимости данных в межкультурных исследованиях применяются разнообразные методики. В рамках классических полевых исследований особое значение имеют личные интервью и методы включенного наблюдения, которые позволяют исследователю выявлять возможные несоответствия в интерпретации вопросов и уточнять их формулировки с учетом культурных особенностей. Эти подходы помогают понять, как участники воспринимают вопросы и какие нюансы могут влиять на их ответы, что особенно важно при работе с малоизученными или традиционными сообществами. При проведении масштабных количественных опросов, где весьма проблематично лично опросить каждого участника из-за больших объемов данных или географической удаленности участников, обязательным этапом институциональной апробации инструментария и предотвращения дискурсивных сбоев становится пилотирование с элементами институциональной обратной связи (комментарии, экспертные заключения): к предварительному тестированию привлекается небольшая группа участников для проверки эффективности и адекватности разработанных инструментов и выявления непонятных формулировок или культурных несоответствий. Исследователь выступает как «внутренний эксперт» своей культуры и берет на себя значительную часть работы по адаптации вопросов под конкретный культурный контекст.

В институциональной практике обязательным становится включение носителей целевого институционально-аккредитованного дискурса (экспертов культуры), способных осуществлять глубокий контент- и дискурс-анализ скрытых лингвистических и культурных смещений, которые не выявляются при формальном лингвистическом сопоставлении. Так, одним из широко распространенных методов минимизации ошибок при переводе является техника обратного перевода (*Back Translation*) как институционального инструмента обеспечения семантической и pragматической эквивалентности, регламентированного корпоративными стандартами исследовательских учреждений. Этот метод предполагает, что первоначальный опросник переводится на целевой язык одним специалистом, после чего

независимый переводчик, не знакомый с оригиналом, переводит его обратно на исходный язык. Сравнение двух версий позволяет выявить расхождения и неточности в переводе, а также обеспечить более точное соответствие смыслового содержания между оригиналом и адаптированной версией инструмента. (Brislin, 1973; Sperber, 2004). Завершающим этапом адаптации является психометрический анализ новой версии инструмента с применением статистических методов.

Эффективность перевода напрямую зависит не только от лингвистической компетентности, но и от глубокого понимания переводчиком задач кросс-культурного исследования. Основная сложность заключается в культурной специфике терминологии. В переводческой институциональной практике ключевым барьером является диффузность и вариативность культурно специфицированных терминов (например, «семья», «подростковый возраст»), требующих экспертной коллегиальной рефлексии на уровне международных рецензентов. Понятие «семья» может варьироваться от модели нуклеарной семьи до расширенной родственной группы. Термин «подростковый возраст» не имеет универсальных хронологических границ (Jones et al., 2001; Sperber, 2004), что стало предметом дискуссии при публикации нашего исследования влияния пола, происхождения и возраста на пальцевой индекс (2D:4D) в трех крупных популяциях (Butovskaya et al., 2021a). Рецензент справедливо указал на значительную вариабельность возраста вступления в пубертат в разных регионах мира, что контрастирует с широкими рамками, принятыми ВОЗ (10-19 лет), или более узкой периодизацией Д. Б. Эльконина (12-17 лет), распространённой в российской психологии.

Следует подчеркнуть, что культурные факторы способны влиять даже на, казалось бы, универсальные биологические аспекты. Иллюстрацией этого служат исследования вкусовых предпочтений: представители западных культур демонстрируют более выраженное неприятие горького вкуса по сравнению с популяциями из традиционных обществ, что убедительно свидетельствует о значимой роли культурного контекста в формировании базовых сенсорных реакций и пищевого поведения (Sorokowska et al., 2017).

При исследовании семейных отношений проблема достижения семантической и pragматической эквивалентности терминов начинает «играть еще более яркими красками»: мало того, что члены семьи играют разную роль в жизни человека в зависимости от типа семьи, поселения и видов брака (матри-, патри- или унилинейные, патри- или матрилокальные, моногамные или полигамные, нуклеарные или расширенные), в мире существуют разные системы терминов родства – пять основных и множество переходных (Попов, 2012). Например, ключевой для любого человека термин мама («*mama*») имеет у австралийских аборигенов только «первичное» значение. На вопрос «Кто твоя мама?» информант называет имя своей реальной матери отца, но применяет этот термин также к сестре жены брата матери, сестре матери мужа сестры и ко многим другим лицам так, что число родственников, обозначаемых одним термином, может увеличиваться бесконечно (Radcliffe-Brown, 1913). Таким образом, простой вопрос о матери и ее действиях найдет свой ответ только после того, как антропологи разберутся в терминологии родства, типе поселения, видах брака и многих других культурно-детерминированных нормах изучаемой группы.

2.4. Методологические аспекты применения визуальных и вокальных стимулов в кросс-культурных исследованиях

Экспериментальные подходы с использованием разнообразных стимульных материалов, в том числе с опорой на культурно обусловленный лексический репертуар и семантические поля, связанные с сексуальными предпочтениями, получили широкое распространение

в современной эволюционной психологии. Кросс-культурные исследования в этой области активно применяют визуальные стимулы, включающие оригинальные фотографии лиц и тел, композитные изображения, фотографии, модифицированные с помощью графических редакторов (таких как *Photoshop*), цифровые изоляты участков кожи, изображения лицевой растительности, образцы кожи различного цвета (Swami et al., 2008), а также изображения волос, варьирующихся по цвету, форме и длине (Fink et al., 2016a; 2016b), причем изображения несут важные морфологические маркеры социальной идентичности, выделенные при анализе культурно-значимых языковых категорий восприятия.

Проведение кросс-культурных исследований требует специфических адаптаций стимульных материалов, изначально разработанных, как правило, для выборок европейского происхождения, а также создания новых, культурно-релевантных стимулов с учётом культурно-значимых языковых категорий и дискурсивных стратегий, что позволяет корректно учитывать различия в лексическом репертуаре аудиторий. Представляется существенным уделять особое внимание разработке и валидации стимульных изображений в исследований секулярного поведения в различных культурах. Может потребоваться создание стимулов на основе анализа типичных представителей различных этнических групп и последующего тестирования как представителями этих же групп, так и оценщиками из других популяций. Далее представлен ряд примеров из проектов авторов и исследований других ученых.

В одной из работ (Stephen et al., 2012) были отмечены специфические различия в оценках лиц, связанные с этнической принадлежностью оценивающих и оцениваемых, и подчёркивалась необходимость кросс-культурной валидации визуальных сигналов (что справедливо также для вокальных и морфологических сигналов), как связанных с текущим состоянием здоровья (*«state» cues*), так и с особенностями развития (*«trait» cues*). Хотя в их исследовании использовались фотографии реальных людей, основные результаты были нагляднее продемонстрированы с помощью композитных портретов (Stephen et al., 2012). Цвет кожи оказался фактором первостепенной важности: более привлекательные композиты были заметно более желтыми, чем менее привлекательные, при оценке представителей собственной этнической группы участников, особенно среди африканцев; однако светлый оттенок не оценивался как привлекательный в обеих группах. Ни очень темные, ни очень светлые лица не получали высоких оценок по привлекательности. Цвет кожи являлся значимым предиктором привлекательности лица, когда участники оценивали лица своей этнической группы, тогда как морфологическая маскулинность не предсказывала привлекательность ни для лиц своей, ни для лиц чужой этнической группы. В другой работе (Coetzee et al., 2014) исследователи представили данные, свидетельствующие об «универсальности предпочтений по привлекательности лица, но также подчеркнули, что этническая принадлежность целевого лица может влиять на схожесть оценок представителями различных культур». В их исследовании композитные лица трансформировались для иллюстрации экстремальных позитивных (+100%) и негативных (-100%) значений по каждому значимому или погранично значимому компоненту формы и цвета. Согласие в оценках африканских и европеоидных участников было выше при оценке европейских лиц по сравнению с оценкой африканских лиц. Одно из возможных объяснений этих различий может основываться на степени знакомства оценщиков (африканцев и европейцев) с внешностью людей из соответствующих популяций.

С другой стороны, популяционно-специфические различия во внешности и степень знакомства с данной популяцией не исключают возможности выявления универсалий в восприятии лица и тела. Примером может служить исследование оценок изображений кожи представителями традиционных популяций масай (Танзания) и цимане (Боливия)

(Fink et al., 2017a; 2017b). Стимулы представляли собой фотографии участков кожи лица британских женщин, разного возраста и физического здоровья (подробное описание процедуры см. (Matts & Fink, 2010)). Оценки таких фрагментов кожи показали, что равномерность распределения меланина напрямую коррелировала с оценками молодости, здоровья и привлекательности и что эти визуальные оценки качества кожи характерны не только для западных наблюдателей, но распространены и в обществах, не знакомых со светлой кожей (Fink et al., 2017a; 2017b; Matts et al., 2007).

Еще одним показательным примером являются кросс-культурные различия в предпочтениях соотношения длины ног к длине тела (*Leg-to-Body Ratio, LBR*) (Swami et al., 2006; Sorokowski & Pawlowski, 2008). Карточки с калиброванными силуэтами, варьирующими по *LBR*, могут легко предъявляться в рандомизированном порядке как в лабораторных, так и в полевых условиях. Такие карточки могут представлять пять уровней *LBR* (1.0, 1.1, 1.2, 1.3, 1.4) (Swami et al., 2006) или семь уровней, где центральный соответствует норме для популяции, а остальные демонстрируют увеличение или уменьшение длины ног с градацией в 5% (Sorokowski & Pawlowski, 2008). Кросс-культурные различия в предпочтаемом *LBR* могут быть связаны с воздействием средств массовой информации, навязывающих определённые стереотипы. Например, сельские жители Малайзии (мужчины и женщины) оценивали женский *LBR* 1.2 как наиболее физически привлекательный, тогда как британские участники предпочитали женский *LBR* 1.4; при оценке мужского *LBR* участники из обеих стран предпочитали *LBR* 1.0 (Swami et al., 2008). Исследователи предположили, что предпочтение более длинных женских ног среди британских оценщиков может быть обусловлено влиянием западных масс-медиа, эротизирующих длину женских ног, что не характерно для малайской культуры, где локальные медиа ассоциируют позитивные женские качества со скромностью, а традиционная одежда скрывает ноги. Кросс-культурное исследование с участием двадцати семи наций, основанное на силуэтных стимулах, выявило, что средние значения *LBR* воспринимались как более привлекательные, чем экстремальные (Sorokowski et al., 2011). Тем не менее, кросс-культурные различия в предпочтениях *LBR* были также выявлены: европейцы, наряду с канадцами и африканцами, положительно оценили относительно высокий *LBR*, тогда как жители Латинской Америки расценивали как более привлекательный относительно низкий *LBR*.

Хотя стимульные материалы не являются идеальными, они обеспечивают сопоставимость данных в кросс-культурных исследованиях, тогда как простые интервью или анкетирование имеют определенные ограничения. В качестве иллюстрации можно привести исследование предпочтений в отношении полового диморфизма по росту (*Sexual Dimorphism in Stature, SDS*) и его связи с реальным SDS в сложившихся парах (Fink et al., 2007; Pawlowski, 2003; Sorokowski & Butovskaya, 2012; Sorokowski et al., 2015; Stulp et al., 2013). В исследованиях среди малых обществ (Sorokowski & Butovskaya, 2012; Sorokowski et al., 2015) участникам предъявлялись шесть пар силуэтов, каждая пара отличалась значением SDS; размер изображения мужчины оставался неизменным, в то время как тело женщины в исходной паре укорачивалось или удлинялось (без изменения ширины) для получения значений SDS от 1.19 (мужчина значительно выше женщины) до 0.96 (женщина немного выше мужчины). Значения уменьшались с шагом примерно 0.05. Размер головы во всех силуэтах оставался неизменным. Участникам сообщалось, что каждая пара представляет партнеров в романтических отношениях, различающихся по росту, и их просили выбрать пару, предпочтительную для их собственных отношений (предпочитаемый SDS). Затем участники предоставляли информацию о росте своего партнера (фактический SDS). Предпочтения в

росте партнера в моногамных малых обществах (хадза и бака) оказались более схожими с наблюдаемыми в западных обществах, чем в «крайне» полигинных обществах, таких как датога или яли (Sorokowski et al., 2015). Комбинация тестирования с силуэтами и реальных антропометрических измерений предоставила дополнительные возможности для интерпретации результатов. У хадза была выявлена положительная корреляция между предпочтительным и фактическим SDS, что позволяет предположить влияние предпочтений на выбор партнера в этой популяции, тогда как у цимане такая корреляция не наблюдалась. Есть основания полагать, что в обществах со свободой выбора партнера предпочтения женщин в отношении более высоких мужчин могут отражать реальный выбор, в отличие от полигинных обществ со значительной имущественной стратификацией или практикой выбора супруга родственниками.

Стимульные изображения функционируют как универсальные знаки, обладающие высокой семантической прозрачностью благодаря унификации лингвистических маркеров и визуальных репрезентаций, что делает их эффективным инструментом для кросс-культурных исследований, особенно при работе с малыми не-WEIRD (*Western, Educated, Industrialized, Rich, Democratic*) обществами. Однако даже при использовании стимульных изображений могут требоваться определенные адаптации лингвистических переменных (например, различий в терминах, описывающих части тела) или визуальных репрезентаций. Например, при работе с силуэтами могут вноситься изменения, касающиеся цвета тела. В исследованиях с участием африканских, азиатских и латиноамериканских популяций наряду с западными стимульными изображениями предъявлялись в коричневом, желтоватом (Sorokowski et al., 2015) или оригинальном белом цвете (Fink et al., 2007). Использование силуэтов вместо изображений реальных тел может быть более предпочтительным, чтобы избежать дискомфорта или негативные реакции респондентов, связанные с культурными нормами. Однако даже в этом случае может быть желательна вариация в визуализации вторичных половых признаков: в исследованиях с WEIRD-популяциями их выраженность была в порядке вещей и не вызывала дискомфорта у респондентов (Fink et al., 2007), тогда как в не-западных культурах приходилось эти признаки практически полностью затушевывать (Sorokowski et al., 2015) или скрывать одеждой (Swami et al., 2006). Следовательно, оценка предпочтений в отношении телесного диморфизма может быть существенно опосредована культурными стереотипами репрезентации образа тела.

Еще одним показательным примером полезности визуальных стимулов в кросс-культурных исследованиях является применение набора видеоклипов с последовательностями ходьбы. Видеозаписи походки двадцати молодых британских мужчин с разной силой сжатия кисти были использованы для создания стандартизованных по размеру и форме анимационных клипов секс-нейтральными гуманоидными персонажами (Fink et al., 2016a; 2016b), которые впоследствии применялись в оценочных исследованиях с участием европейских, американских и масайских респондентов (Fink et al., 2017a; 2017b; 2019). Участники из индустриальных стран (Чили, Германия, Россия) продемонстрировали способность точно оценивать физическую силу по походке, что может свидетельствовать об универсальности такой способности восприятия для человека (Fink et al., 2016a; 2016b; 2017a; 2017b). Однако при предъявлении тех же видеозаписей масаям (Танзания) данная закономерность не подтвердилась: физически более сильные ходоки (по показателю силы сжатия кисти) оценивались ими как менее сильные. Эти результаты указывают на необходимость более репрезентативных кросс-культурных исследований и позволяют предположить, что оценка движений может подвергаться влиянию ряда популяционно- и культурно-специфических

особенностей. Культуры могут различаться по предпочтениям физической силы или выносливости у мужчин, а также по ряду других физических характеристик и личностных черт.

2.5. Опыт кросс-культурного исследования, посвященного проблеме влияния пандемии на поведение людей в разных странах

В 2020 году команда исследователей Центра кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии Российской академии наук (РАН) совместно с учёными-антропологами и психологами из 23 стран мира, запустила масштабное международное исследование, что позволило провести обширный кросс-культурный анализ проявлений тревожного, агрессивного и эмпатического поведения, а также уровня адаптации населения к стрессовым условиям, вызванным пандемией *COVID-19* (Burkova et al., 2021; Butovskaya et al. 2021a; 2021b; Burkova et al., 2022; Буркова и др., 2022a; 2022b; Буркова, Бутовская, 2022). Общая выборка исследования составила 15375 респондентов из Европы, Азии, Африки и Америки. Данный географический охват позволил включить в анализ общества с контрастными культурными нормами и традициями.

Исходная версия опросника была разработана на русском и английском языках. Для проведения исследования в неанглоязычных странах (за исключением России) инструмент был переведен на национальные языки с применением процедуры обратного перевода (back translation) для обеспечения лингвистической эквивалентности.

Разработка исследовательского инструментария на начальном этапе проекта сразу же выявила значительные методологические сложности, характерные для кросс-культурных исследований. Пилотное тестирование и подготовка вопросов анкеты продемонстрировали глубокие различия в восприятии даже базовых демографических категорий, в частности вопрос пола респондента, что потребовало более точного учета дискурсивных практик в рамках институциональной коммуникации исследователя с респондентом и культурной специфики восприятия понятий тревожности, агрессии и эмпатии. В обществах с более либеральными социальными нормами (США, Канада, часть европейских государств) применялся расширенный лексический репертуар категорий пола и гендерной идентичности, отражающий сложный спектр социолингвистических маркеров и pragматических стратегий самоидентификации: итоговый опросник включал две отдельные категории: биологический пол («мужчина», «женщина», «другое») и гендерную идентичность («мужчина», «женщина», «небинарный гендер» («Genderqueer»), «предпочитаю не говорить», «другое»). Это отражает современное понимание гендерной идентичности как сложного спектра, что подтверждается данными Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), которая подчеркивает важность учета разнообразия гендерных идентичностей для проведения точных исследований. В противоположность этому, в традиционных обществах Ближнего Востока – таких как Ирак, Иран, Иордания, Саудовская Аравия и Пакистан – доминировала упрощённая вариация терминологии, ограниченная базовыми культурно-конституированными языковыми категориями и консервативными дискурсивными практиками, что отражает социальные нормы и ограничения для публичного обсуждения идентичности. В этих странах использовалась только одна категория – биологический пол («мужчина», «женщина», «другое»), а в некоторых случаях даже исключалась опция «другое» (Буркова, 2023). Эта вариативность четко коррелировала с культурным измерением «индивидуализм-коллективизм» и строгостью социальных норм: индивидуалистические общества с менее регламентированными нормами принимали расширенный формат, тогда как коллективистские общества с сильными традициями требовали упрощения. Для обеспечения сопоставимости данных

в последующем кросс-культурном анализе была использована исключительно категория биологического пола. Данное изменение наложило ограничения на интерпретацию результатов применительно к нецисгендерным группам.

Параллельные сложности проявились при формулировке вопроса о семейном статусе. В российской версии опросника изначально была применена стандартная пятипозиционная схема категоризации (холост/одинок, женат/замужем, разведен/на, вдовец/вдова, другое), которая в ходе пилотирования была дополнена категорией «гражданский брак/проживание вместе» для отражения реальной социальной практики. В американском и канадском вариантах диапазон ответов был расширен до 10 пунктов с включением в список гендерных идентичностей и форматов отношений, принятых в западной социологии, для максимально точной социальной идентификации респондента. Тем не менее, при последующем обобщении номинальные категории, описывающие характер отношений, были объединены на основании общего критерия — фактического совместного проживания с партнером, что отвечало основной задаче зафиксировать структуру домохозяйства (индивидуальное/партнерское) и исключало необходимость дифференциации личных аспектов отношений, которые могли бы внести «культурный шум» в сравнительный анализ.

Параллельно, в ряде коллективистских обществ (страны Ближнего Востока, Африки и части Азии) была зафиксирована обратная тенденция: локальные исследователи насторожили на исключении категории «в отношениях/встречаемся» как социально нелегитимной. Вследствие данной корректировки номинальная шкала была сокращена до пяти базовых статусно-ролевых позиций. Одновременно с этим, статистический анализ данных подтвердили еще одну культурную специфику ответов: в ближневосточных выборках была отмечена статистически незначимая частота выбора категории «разведен(а)», что указывает на влияние традиционных нормативно-ценностных установок, стигматизирующих развод.

Еще одной непростой областью для анализа стал показатель уровня образования респондентов. Несмотря на важность этого фактора, его использование оказалось ограниченным в контексте охвата и сопоставимости в кросс-культурных исследованиях. Разнообразие национальных образовательных систем и сложности с созданием единой универсальной шкалы категорий привели к тому, что данные, собранные по этому параметру, не продемонстрировали значимых статистических различий между выборками и были исключены из интерпретации результатов.

При формулировании вопроса, касающегося этнической принадлежности участников исследования, обострилась методологическая дискуссия с исследователями из США и Канады. В отличие от большинства других стран-участниц, где категория «этничность» воспринималась однозначно и не вызывала терминологических сложностей, в США потребовалось введение более детализированной категории «происхождение». Американская версия опросника включала шесть специфических вариантов ответа: «латиноамериканцы», «индейцы», «американцы азиатского происхождения», «афроамериканцы», «гавайцы», «белые американцы испанского происхождения», «мультирасовое происхождение» и «другое» (Буркова, 2023).

В Бразилии, характеризующейся расово-смешанным составом населения, наблюдались аналогичные методологические трудности. Они связаны с тем, что локальная концепция самоопределения существенно сложнее американской модели, основанной на принципе происхождения («one-drop rule», «правило одной капли крови»). Так, социолингвистический дискурс и маркеры этнической идентичности в стране формируются преимущественно через фенотипические морфологические признаки (оттенок кожи, цвет волос и глаз, форма

носа и структура волосяного покрова) (Harris et al., 1993), что находит отражение в использовании специфического лексического репертуара в официальных и неофициальных опро-сниках. Данный подход институционализирован на государственном уровне: в ходе перепи-си населения напрямую задаётся вопрос: «Какого вы цвета?» (Telles, 2002). Поскольку мы ставили перед собой задачу провести межкультурное исследование, избежав погружения в детали расовых особенностей в конкретных государствах, а существенные отличия отно-сительно концепций этнической и расовой принадлежности оказались непреодолимыми, мы решили исключить этот пункт опроса для многих стран, чтобы обеспечить сравнимость результатов на международном уровне.

В соответствии с исследовательской задачей по оценке воздействия государственных ограничительных мер в период пандемии, респондентам был предложен блок вопросов, на-правленных на выявление их отношения к реализованной политике. Вариативность ответов обнаружила выраженную кросс-национальную дифференциацию, обусловленную не только параметром «индивидуализм/коллективизм» в рамках кросс-культурной психологии, но и спецификой политической обстановки и типом государственного режима в каждой стране. В ряде случаев (Танзания, Иран, Беларусь) вопросы, касающиеся оценки действий властей, были либо полностью исключены, либо переведены в разряд необязательных. В частности, в условиях сложившегося в Танзании авторитарного режима респонденты демонстрирова-ли эффект социальной желательности, избегая критических высказываний в адрес власти из-за опасений за личную безопасность, что обусловило удаление ряда вопросов из нацио-нальной версии опросника.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные кросс-культурные исследования неизменно фиксируют динамичную трансформацию ключевых социальных и антропологических категорий под влиянием глобализационных трендов. Этот процесс характеризуется примечательной диалектикой: с одной стороны, наблюдается размытие культурных границ и стандартизация понятий, с другой – происходит усиление запросов на локальную самоидентификацию и культурную аутентичность. Объявленная в качестве универсального мирового тренда глобализа-ции встречает все более явное сопротивление и неприятие со стороны не-западных культур. Данный парадокс находит отражение в одновременном сосуществовании мультикультур-листских моделей и активизации этнонациональных движений, отстаивающих традицион-ные уклады жизни. Так, попытки трансформаций категорий пола, предпринятые западным обществом, в русле которых изначально биологическая характеристика все чаще презен-туетя как сложный и неоднозначный социальный конструкт, также все чаще встречают сопротивление не только в не-западных обществах, но и находят неприятие и отторжение среди современных американцев, британцев, болгар, поляков или итальянцев (см., напри-мер, (Семенова и др., 2025)).

Несмотря на прогресс, фундаментальные методологические вызовы в кросс-культур-ной парадигме сохраняют свою остроту. К числу наиболее значимых относятся: 1) слож-ности лингвокультурной трансляции концептов между языковыми средами и сохранения их контекстуальной аутентичности; 2) необходимость последовательного преодоления эт-ноцентристических установок при анализе данных, что подразумевает интерпретацию резуль-татов сквозь призму локальных культурных норм и ценностных систем, а не через навязы-ваемые универсалистские (часто евроцентричные) рамки; 3) навигация в поле этических

диллемм (например, вокруг категорий пола и гендера, прав человека vs. традиционных укладов), требующая особой чувствительности к культурным и религиозным табу во избежание конфликтов или искажения данных; 4) сравнимость данных – различия в образовании, доступе к технологиям и социально-экономических условиях могут искажать результаты. К этим проблемам добавляются и технические сложности: доступ к данным – в некоторых странах сложно получить репрезентативные выборки из-за политических или религиозных ограничений. Учитывая указанные трудности, значимой становится разработка глокальных (glocal) исследовательских моделей, сочетающих стандартизованные подходы с глубокой контекстуализацией, то есть небольшого набора универсальных метрик, фиксирующих общевидовые аспекты поведения («эволюционное ядро») и гибкого модуля для измерения культурно-специфических «оболочек». Кроме того, исследователям необходимо развивать «этическую чуткость» не как свод правил и протоколов, а как постоянный рефлексивный процесс.

Особую научную и практическую ценность в этом контексте представляют исследования, проводимые в традиционных обществах Азии, Африки и Америки, чьи образы жизни принципиально отличаются от западного и где универсальные метрики оказываются все менее релевантными для описания локальных реалий. Все большая включенность в исследовательское поле местных ученых-антропологов и психологов обеспечивает более глубокую и аутентичную эпистемологическую презентацию этих культур.

Эмпирически подтверждаемый рост числа кросс-культурных исследований демонстрирует, что ключевые аспекты человеческого поведения обладают общевидовыми корнями (Берри и др., 2007). При этом замечаемая культурная неоднородность оказывается обусловленной влиянием различных аспектов жизни общества, включая социальные отношения, экономические условия, природную среду обитания, политическую ситуацию и исторические события. Понимание универсальных аспектов человеческого опыта и его культурно-специфических проявлений необходимо для прогнозирования и конструктивного моделирования социокультурной динамики будущего. Также выявленные сложности в передаче культурных концептов между языками подчеркивают важность разработки адекватных методик и материалов, учитывающих культурные коды и контексты. Вместо простого перевода и адаптации западных опросников, в частности, предлагается развивать практику партисипаторного дизайна исследований, при котором инструменты и концепции разрабатываются с самого начала международными командами, включая локальных экспертов.

Информация о поддержке исследования

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР «Ультрасоциальность человека: биосоциальные и кросскультурные аспекты» Института этнологии и антропологии РАН.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. COVID-19 и поведение человека: стресс, мифы и социальная реальность: коллективная монография / отв. ред. В.Н. Буркова, М.Л. Бутовская. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022.
2. Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства / сост. и отв. ред. В. А. Попов. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2012. Вып. 13.
3. Берри Дж., Пуртинга А., Сигал М., Дасен П. Кросс-культурная психология: Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
4. Буркова В.Н. К вопросу о сложностях кросс-культурных исследований: опыт работы по проекту COVID-19 // Журнал Фронтирных Исследований. 2023. № 8(2). С. 352-373. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i2.464>
5. Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Ермаков А.М., Галимханов А.Б., Егорова А.И., Зинурова Р.И., Калиниченко О.В., Колтун Г.Г., Кониева О.Н., Мантатова Н.В., Маштыков С.С., Милаева Т.В., Сподина В.И. Представления студентов об отцовском вкладе (данные по 10 регионам России) // Сибирские исторические исследования. 2025. №2. С. 224–249. <https://doi.org/10.17223/2312461X/48/11>
6. Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Симаков Н.Ю. Эмпатия и взаимопомощь до и во время COVID-19 (данные по московским студентам) // Вопросы психологии. 2022а. № 68(1). С. 28–40.
7. Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н., Ермаков А.М., Колодкин В.А., Сподина В.И., Зинурова Р.И. Тревожность и агрессия во время COVID-19: На примере четырех регионов России // Сибирские исторические исследования. 2022б. №2. С. 132–158. doi:10.17223/2312461X/36/8
8. Гиппократ. Избранные книги / пер. с греч. В. И. Руднева; ред., вступ. ст. и примеч. В. П. Карпова. Москва: Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936.
9. Леви-Стросс К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности / пер. с фр. Е. Чебучевой. Москва: Текст, 2016.
10. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Молодая гвардия, 2005.
11. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Пер. с англ. В.Н. Порус. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
12. Семенова О.В., Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Ермаков А.М., Каспарова Е.Н., Калиниченко О.В., Стоянова С. Мужские и женские роли в представлении белорусов, болгар и русских // Журнал фронтирных исследований. 2025. Том 10. №1. С. 120–149. <https://doi.org/10.46539/jfs.v10i1.607>
13. Berry J.W. On cross-cultural comparability // International Journal of Psychology. 1969. № 4(2). P. 119–128. <https://doi.org/10.1080/00207596908247261>
14. Brislin R. Questionnaire wording and translation // Cross-Cultural Research Methods. John Wiley & Sons, 1973. P. 32-58.
15. Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., Ahmadi K., Alghraibeh A.M., Allami F.B.M., Alpaslan F.S., Al-Zu’bi M.A.A., Biger D.F., Cetinkaya H., David O.A., Donato S., Dural S., Erickson P., Ermakov A.M., Ertugrul B., Fayankinnu E.A., Fisher M.L., ... Zinurova, R.I. Predictors of anxiety in the COVID-19 pandemic from a global perspective: Data from 23 countries // Sustainability. 2021. № 13(7). Article 4017. <https://doi.org/10.3390/su13074017>

16. Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., Ahmadi K., Alghraibeh A.M., Allami F.B.M., Alpaslan F.S., Al-Zu’bi M.A.A., Biger D.F., Cetinkaya H., David O.A., Donato S., Dural S., Erickson P., Ermakov A.M., Ertugrul B., Fayankinnu E.A., Fisher M.L., ... Zinurova R.I. Factors associated with highest symptoms of anxiety during COVID-19: Cross-cultural study of 23 countries // *Frontiers in Psychology*. 2022. №13. Article 805586. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.805586>
17. Butovskaya M., Burkova V., Apalkova Y., Dronova D., Rostovtseva V., Karelina D., Mkrtchyan R., Negashova M., Batsevich V. Sex, population origin, age and average digit length as predictors of digit ratio in three large world populations // *Scientific Reports*. 2021a. Vol. 11(1). Article 8157. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-87394-6>
18. Butovskaya M., Burkova V., Karelina D., Filatova V. The association between 2D:4D ratio and aggression in children and adolescents: Cross-cultural and gender differences // *Early Human Development*. 2019. Issue 137. Article 104823. <https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2019.07.006>
19. Butovskaya M.L., Burkova V.N., Karelina D.V. Does friendship matter? Sharing, fairness and parochial altruism in African children and adolescents // *Social Evolution & History*. 2020. Vol. 19. №1. P. 89–112. <https://doi.org/10.30884/seh/2020.01.05>
20. Butovskaya M.L., Burkova V.N., Randall A.K., Donato S., Fedenok J.N., Hocker L., Kline K.M., Ahmadi K., Alghraibeh A.M., Allami F.B.M., Alpaslan F.S., Al-Zu’bi M.A.A., Biçer D.F., Cetinkaya H., David O.A., Dural S., Erickson P., Ermakov A.M., Ertugrul B., ... Zinurova R.I. (2021b). Cross-cultural perspectives on the role of empathy during COVID-19’s first wave // *Sustainability*. 2021b. № 13(13). Article 7431. <https://doi.org/10.3390/su13137431>
21. Coetzee V., Greeff J.M., Stephen I.D., Perrett D.I. Cross-cultural agreement in facial attractiveness preferences: The role of ethnicity and gender // *PLoS One*. 2014. Vol. 9(7). Article e99629. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0099629>
22. Eriksen T.H. *What is anthropology?* London: Pluto Press, 2004.
23. Fink B., Andre S., Mines J.S., Weege B., Shackelford T.K., Butovskaya M. Sex difference in attractiveness perceptions of strong and weak male walkers // *American Journal of Human Biology*. 2016a. № 28(6). P. 913–917. doi:10.1002/ajhb.22891
24. Fink B., Butovskaya M., Sorokowski P., Sorokowska A., Matts P.J. Visual perception of British women’s skin color distribution in two non-industrialized societies, the Maasai and the Tsimane. *Evolutionary Psychology*. 2017a. № 15(3). Article 1474704917718957. doi:10.1177/1474704917718957
25. Fink B., Butovskaya M.L., Shackelford T.K. Assessment of physical strength from gait: Data from the Maasai of Tanzania // *Biology Letters*. 2019. № 15(3). Article 20180803. <https://doi.org/10.1098/rsbl.2018.0803>
26. Fink B., Hufschmidt C., Hirn T., Will S., McKelvey G., Lankhof J. Age, health and attractiveness perception of virtual (rendered) human hair // *Frontiers in Psychology*. 2016b. Volume 7. Article 1893. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01893>
27. Fink B., Neave N., Brewer G., Pawlowski B. Variable preferences for sexual dimorphism in stature (SDS): Further evidence for an adjustment in relation to own height // *Personality and Individual Differences*. 2007. № 43(8). P. 2249–2257. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2007.07.014>
28. Fink B., Wübker M., Ostner J., Butovskaya M.L., Mezentseva A., Muñoz-Reyes J.A., Sela Y., Shackelford T.K. Cross-cultural investigation of male gait perception in relation to physical strength and speed // *Frontiers in Psychology*. 2017b. Volume 8. Article 1427. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01427>
29. Geertz C. *The interpretation of cultures*. New York, NY: Basic Books, 1973.
30. Goldschmidt W. *Comparative functionalism*. Berkeley: University of California Press, 1966. <https://doi.org/10.1525/9780520321649>

31. Hambleton R.K., Yu L., Slater S.C. Fieldtest of ITC guidelines for adapting psychological tests // European Journal of Psychological Assessment. 1999. Volume 15(3). P. 270–276. <https://doi.org/10.1027//1015-5759.15.3.270>
32. Harris M., Consorte J.G., Lang J., Byrne B. Who are the whites? Imposed census categories and the racial demography of Brazil // Social Forces. 1993. Volume 72. Issue 2. P. 451-462. <https://doi.org/10.2307/2579856>
33. Javaras K.N., Ripley B.D. An “unfolding” latent variable model for Likert attitude data: Drawing inferences adjusted for response style // Journal of the American Statistical Association. 2007. Volume 102. Issue 478. P. 454–463. <https://doi.org/10.1198/016214506000000960>
34. Johnson T.R. On the use of heterogeneous thresholds ordinal regression models to account for individual differences in response style // Psychometrika. 2003. № 68. P. 563-583. <https://doi.org/10.1007/BF02295612>
35. Jones P.S., Lee J.W., Phillips L.R., Zhang X.E., Jaceldo K.B. An adaptation of Brislin’s translation model for cross-cultural research // Nursing Research. 2001. Volume 50. Issue 5. P. 300–304. <https://doi.org/10.1097/00006199-200109000-00008>
36. Kline R.B. Principles and practice of structural equation modeling (4th ed.). New York, NY: The Guilford Press, 2016.
37. Kluckhohn C. Universal categories of culture // A.L. Kroeber (Ed.). Anthropology today. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 507-523.
38. Matts P.J., Fink B. Chronic sun damage and the perception of age, health and attractiveness // Photochemical & Photobiological Sciences. 2010. № 9. P. 421–431. <https://doi.org/10.1039/B9P-P00166B>
39. Matts P.J., Fink B., Grammer K., Burquest M. Color homogeneity and visual perception of age, health and attractiveness of female facial skin // Journal of the American Academy of Dermatology. 2007. Volume 57. Issue 6. P. 977–984. doi:10.1016/j.jaad.2007.07.040
40. Pawlowski B. Variable preferences for sexual dimorphism in height as a strategy for increasing the pool of potential partners in humans // Proceedings of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences. 2003. № 270(1516). P. 709–712. doi:10.1098/rspb.2002.2294
41. Radcliffe-Brown A.R. Three tribes of Western Australia. London: Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 1913.
42. Sorokowska A., Pellegrino R., Butovskaya M., Marczak M., Niemczyk A., Huanca T., Sorokowski P. Dietary customs and food availability shape the preferences for basic tastes: A cross-cultural study among Polish, Tsimane’, and Hadza societies // Appetite. 2017. № 116. P. 291–296. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2017.05.015>
43. Sorokowski P., Butovskaya M.L. Height preferences in humans may not be universal: Evidence from the Datoga people of Tanzania // Body Image. 2012. Volume 9. Issue 4. P. 510–516. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2012.07.002>
44. Sorokowski P., Pawlowski B. Adaptive preferences for leg length in a potential partner // Evolution and Human Behavior. 2008. Volume 29. Article 2. P. 86–91. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2007.09.002>
45. Sorokowski P., Sorokowska A., Butovskaya M., Stulp G., Huanca T., Fink B. Body height preferences and actual dimorphism in stature between partners in two nonwestern societies (Hadza and Tsimane’) // Evolutionary Psychology. 2015. Volume 13. Issue 2. P. 455-469. doi:10.1177/147470491501300209

46. Sorokowski P., Szmajke A., Sorokowska A., Borg Cunen M., Fabrykant M., Zarafshani K., ... Fang T. Attractiveness of leg length: Report from 27 nations // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. Volume 42. Issue 1. P. 131–139. doi:10.1177/0022022110392229
47. Sperber A.D. Translation and validation of study instruments for cross-cultural research // Gastroenterology. 2004. № 126. P. S124–128. <https://doi.org/10.1053/j.gastro.2003.10.016>
48. Stephen I.D., Scott I.M., Coetzee V., Pound N., Perrett D.I., Penton-Voak I.S. (2012). Cross-cultural effects of color, but not morphological masculinity, on perceived attractiveness of men's faces // Evolution and Human Behavior. 2012. Volume 33. Issue 4. P. 260–267. doi:10.1016/j.evolhumbehav.2011.10.003
49. Stulp G., Buunk A.P., Pollet T.V., Nettle D., Verhulst S. (2013). Are human mating preferences with respect to height reflected in actual pairings? // PLoS One. 2013. № 8. Article e54186. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0054186>
50. Swami V., Einon D., Furnham A. The leg-to-body ratio as a human aesthetic criterion // Body Image. 2006. Volume 3. Issue 4. P. 317–323. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2006.08.003>
51. Swami V., Rozmus-Wrzesinska M., Pawłowski B., Voracek M., Haubner T., Danel D., ... Furnham A. The influence of skin tone, body weight, and hair color on perceptions of women's attractiveness and health: A cross-cultural investigation // Journal of Cultural and Evolutionary Psychology. 2008. Volume 6. Issue 4. P. 321–341. doi:10.1556/JEP.6.2008.4.4
52. Telles E.E. Racial ambiguity among the Brazilian population // Ethnic and Racial Studies. 2002. Volume 25. Issue 3. P. 415–441. <https://doi.org/10.1080/01419870252932133>
53. Van de Vijver F.J.R., Leung K. Methods and data analysis for cross-cultural research. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1997.

REFERENCES

1. Berry, J.W. (1969). On cross-cultural comparability. *International Journal of Psychology*, 4(2), 119–128. <https://doi.org/10.1080/00207596908247261>
2. Berry, J.W., Poortinga, Y.H., Segall, M.H., & Dasen, P.R. (2007). *Kross-kul'turnaya psichologiya. Issledovanie i primenenie [Cross-cultural psychology: Research and applications]*. Kharkov: Gumanitarnyy Tsentr (in Russian).
3. Brislin, R. (1973). Questionnaire wording and translation. In *Cross-Cultural Research Methods* (pp. 32–58). John Wiley & Sons.
4. Burkova, V.N. (2023). K voprosu o slozhnostiakh kross-kul'turnykh issledovanii: opyt raboty po proektu COVID-19 [Towards the Challenges of Cross-Cultural Research: Experience on COVID-19 Project]. *Journal of Frontier Studies*, 8(2), 352-373 (in Russian). <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i2.464>
5. Burkova, V.N., & Butovskaya, M.L. (Eds.). (2022). *COVID-19 i povedenie cheloveka: stress, myfy i sotsial'naya real'nost': kollektivnaya monografiya [COVID-19 and human behavior: Stress, myths, and social reality: Collective monograph]*. Moscow & St-Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).
6. Burkova, V.N., Butovskaya, M.L., & Simakov, N.Yu. (2022a). Empatiya i vzaimopomoshch do i vo vremya COVID-19 (dannye po moskovskim studentam) [Empathy and cooperation until and during COVID-19 (based on research of Moscow students)]. *Voprosy psichologii*, 68(1), 28–40 (in Russian).

7. Burkova, V.N., Butovskaya, M.L., Ermakov, A.M., Galimkhanov, A.B., Egorova, A.I., Zinurova, R.I., Kalinichenko, O.V., Koltun, G.G., Konieva, O.N., Mantatova, N.V., Mashtykov, S.S., Milaeva, T.V., & Spodina, V.I. (2025). Predstavleniya studentov ob ottsovskom vklade (dannye po 10 regionam Rossii) [Students' perceptions of paternal investments (data from 10 regions of Russia)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia – Siberian Historical Research*, 2, 224–249 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/2312461X/48/11>
8. Burkova, V.N., Butovskaya, M.L., Fedenok, Y.N., Ermakov, A.M., Kolodkin, V.A., Spodina, V.I., & Zinurova, R.I. (2022b). Trevozhnost' i agressiya vo vremya COVID-19: Na primere chetyrekh regionov Rossii [Anxiety and aggression during COVID-19: on example of four regions of Russia]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia – Siberian Historical Research*, 2, 132–158 (in Russian). doi:10.17223/2312461X/36/8
9. Burkova, V.N., Butovskaya, M.L., Randall, A.K., Fedenok, J.N., Ahmadi, K., Alghraibeh, A.M., Allami, F.B.M., Alpaslan, F.S., Al-Zu'bi, M.A.A., Biger, D.F., Cetinkaya, H., David, O.A., Donato, S., Dural, S., Erickson, P., Ermakov, A.M., Ertugrul, B., Fayankinnu, E.A., Fisher, M.L., ... Zinurova, R.I. (2021c). Predictors of anxiety in the COVID-19 pandemic from a global perspective: Data from 23 countries. *Sustainability*, 13(7), 4017. <https://doi.org/10.3390/su13074017>
10. Burkova, V.N., Butovskaya, M.L., Randall, A.K., Fedenok, J.N., Ahmadi, K., Alghraibeh, A.M., Allami, F.B.M., Alpaslan, F.S., Al-Zu'bi, M.A.A., Biger, D.F., Cetinkaya, H., David, O.A., Donato, S., Dural, S., Erickson, P., Ermakov, A.M., Ertugrul, B., Fayankinnu, E.A., Fisher, M.L., ... Zinurova, R.I. (2022). Factors associated with highest symptoms of anxiety during COVID-19: Cross-cultural study of 23 countries. *Frontiers in Psychology*, 13, Article 805586. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.805586>
11. Butovskaya, M. L., Burkova, V. N., Randall, A. K., Donato, S., Fedenok, J. N., Hocker, L., Kline, K. M., Ahmadi, K., Alghraibeh, A. M., Allami, F. B. M., Alpaslan, F. S., Al-Zu'bi, M. A. A., Biçer, D. F., Cetinkaya, H., David, O. A., Dural, S., Erickson, P., Ermakov, A. M., Ertugrul, B., ... Zinurova, R. I. (2021b). Cross-cultural perspectives on the role of empathy during COVID-19's first wave. *Sustainability*, 13(13), 7431. <https://doi.org/10.3390/su13137431>
12. Butovskaya, M., Burkova, V., Apalkova, Y., Dronova, D., Rostovtseva, V., Karelina, D., Mkrtchyan, R., Negasheva, M., & Batsevich, V. (2021a). Sex, population origin, age and average digit length as predictors of digit ratio in three large world populations. *Scientific Reports*, 11(1), 8157. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-87394-6>
13. Butovskaya, M., Burkova, V., Karelina, D., & Filatova, V. (2019). The association between 2D:4D ratio and aggression in children and adolescents: Cross-cultural and gender differences. *Early Human Development*, 137, 104823. <https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2019.07.006>
14. Butovskaya, M.L., Burkova, V.N., & Karelina, D.V. (2020). Does friendship matter? Sharing, fairness and parochial altruism in African children and adolescents. *Social Evolution & History*, 19(1), 89-112. <https://doi.org/10.30884/seh/2020.01.05>
15. Coetzee, V., Greeff, J.M., Stephen, I.D., & Perrett, D.I. (2014). Cross-cultural agreement in facial attractiveness preferences: The role of ethnicity and gender. *PLoS One*, 9(7), e99629. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0099629>
16. Eriksen, T.H. (2004). *What is anthropology?* London: Pluto Press.
17. Fink, B., Andre, S., Mines, J.S., Weege, B., Shackelford, T.K., & Butovskaya, M. (2016a). Sex difference in attractiveness perceptions of strong and weak male walkers. *American Journal of Human Biology*, 28(6), 913–917. doi:10.1002/ajhb.22891
18. Fink, B., Butovskaya, M., Sorokowski, P., Sorokowska, A., & Matts, P.J. (2017a). Visual perception of British women's skin color distribution in two non-industrialized societies, the Maasai and the Tsimane. *Evolutionary Psychology*, 15(3), 1474704917718957. doi:10.1177/1474704917718957

19. Fink, B., Butovskaya, M.L., & Shackelford, T.K. (2019). Assessment of physical strength from gait: Data from the Maasai of Tanzania. *Biology Letters*, 15(3), 20180803. <https://doi.org/10.1098/rsbl.2018.0803>
20. Fink, B., Hufschmidt, C., Hirn, T., Will, S., McKelvey, G., & Lankhof, J. (2016b). Age, health and attractiveness perception of virtual (rendered) human hair. *Frontiers in Psychology*, 7, 1893. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01893>
21. Fink, B., Neave, N., Brewer, G., & Pawlowski, B. (2007). Variable preferences for sexual dimorphism in stature (SDS): Further evidence for an adjustment in relation to own height. *Personality and Individual Differences*, 43(8), 2249–2257. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2007.07.014>
22. Fink, B., Wübker, M., Ostner, J., Butovskaya, M.L., Mezentseva, A., Muñoz-Reyes, J.A., Sela, Y., & Shackelford, T.K. (2017b). Cross-cultural investigation of male gait perception in relation to physical strength and speed. *Frontiers in Psychology*, 8, 1427. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01427>
23. Geertz, C. (1973). *The interpretation of cultures*. New York, NY: Basic Books.
24. Goldschmidt, W. (1966). *Comparative functionalism*. Berkeley: University of California Press. <https://doi.org/10.1525/9780520321649>
25. Hambleton, R.K., Yu, L., & Slater, S.C. (1999). Field test of ITC guidelines for adapting psychological tests. *European Journal of Psychological Assessment*, 15(3), 270–276. <https://doi.org/10.1027//1015-5759.15.3.270>
26. Harris, M., Consorte, J.G., Lang, J., & Byrne, B. (1993). Who are the whites? Imposed census categories and the racial demography of Brazil. *Social Forces*, 72(2), 451–462. <https://doi.org/10.2307/2579856>
27. Hippocrates. (1936). *Izbrannye knigi [Selected books]* (V.I. Rudnev, Trans.; V.P. Karpov, Ed.). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo biologicheskoi i meditsinskoi literatury [Classics of biology and medicine series] (in Russian).
28. Javaras, K.N., & Ripley, B.D. (2007). An “unfolding” latent variable model for Likert attitude data: Drawing inferences adjusted for response style. *Journal of the American Statistical Association*, 102(478), 454–463. <https://doi.org/10.1198/016214506000000960>
29. Johnson, T.R. (2003). On the use of heterogeneous thresholds ordinal regression models to account for individual differences in response style. *Psychometrika*, 68, 563–583. <https://doi.org/10.1007/BF02295612>
30. Jones, P.S., Lee, J.W., Phillips, L.R., Zhang, X.E., & Jaceldo, K.B. (2001). An adaptation of Brislin's translation model for cross-cultural research. *Nursing Research*, 50(5), 300–304. <https://doi.org/10.1097/00006199-200109000-00008>
31. Kline, R.B. (2016). *Principles and practice of structural equation modeling (4th ed.)*. New York, NY: Guilford Press.
32. Kluckhohn, C. (1953). Universal categories of culture. In A.L. Kroeber (Ed.), *Anthropology today* (pp. 507–523). Chicago: University of Chicago Press.
33. Lévi-Strauss, C. (2016). *Uznavat' drugikh. Antropologiya i problemy sovremennosti [To recognize others. Anthropology and problems of modernity]* (E. Chebuchina, Trans.). Moscow: Tekst (in Russian).
34. Losev, A.F., & Taho-Godi, A.A. (2005). *Platon. Aristotel'*. 3-e izd., ispr. i dop. [Plato. Aristotle (3rd ed.)]. Moscow: Molodaya gvardiya (in Russian).
35. Malinowski, B. (2015). *Izbrannoe: Argonauty zapadnoy chasti Tikhogo okeana [Selected works: The Argonauts of the Western Pacific]*. Moscow & St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh iniciativ [Centre of Humanitarian Initiatives] (in Russian).

36. Matts, P.J., & Fink, B. (2010). Chronic sun damage and the perception of age, health and attractiveness. *Photochemical & Photobiological Sciences*, 9, 421–431. <https://doi.org/10.1039/B9P-P00166B>
37. Matts, P.J., Fink, B., Grammer, K., & Burquest, M. (2007). Color homogeneity and visual perception of age, health and attractiveness of female facial skin. *Journal of the American Academy of Dermatology*, 57(6), 977–984. doi:10.1016/j.jaad.2007.07.040
38. Pawlowski, B. (2003). Variable preferences for sexual dimorphism in height as a strategy for increasing the pool of potential partners in humans. *Proceedings of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences*, 270(1516), 709–712. doi:10.1098/rspb.2002.2294
39. Popov, V.A. (Ed.). (2012). *Algebra rodstva: Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva* [Algebra of kinship: Kinship. Kinship systems. Kinship term systems]. St-Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. Issue 13 (in Russian).
40. Radcliffe-Brown, A.R. (1913). *Three tribes of Western Australia*. London: Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.
41. Semenova, O.V., Burkova, V.N., Butovskaya, M.L., Ermakov, A.M., Kasparova, E.N., Kalinichenko, O.V., & Stoyanova, S. (2025). Male and female roles in the perception of young people among Belarusians, Bulgarians, and Russians. *Journal of Frontier Studies*, 10(1), 120–149 (in Russian). <https://doi.org/10.46539/jfs.v10i1.607>
42. Sorokowska, A., Pellegrino, R., Butovskaya, M., Marczak, M., Niemczyk, A., Huanca, T., & Sorokowski, P. (2017). Dietary customs and food availability shape the preferences for basic tastes: A cross-cultural study among Polish, Tsimane', and Hadza societies. *Appetite*, 116, 291–296. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2017.05.015>
43. Sorokowski, P., & Butovskaya, M. L. (2012). Height preferences in humans may not be universal: Evidence from the Datoga people of Tanzania. *Body Image*, 9(4), 510–516. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2012.07.002>
44. Sorokowski, P., & Pawlowski, B. (2008). Adaptive preferences for leg length in a potential partner. *Evolution and Human Behavior*, 29(2), 86–91. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2007.09.002>
45. Sorokowski, P., Sorokowska, A., Butovskaya, M., Stulp, G., Huanca, T., & Fink, B. (2015). Body height preferences and actual dimorphism in stature between partners in two nonwestern societies (Hadza and Tsimane'). *Evolutionary Psychology*, 13(2), 455-469. doi:10.1177/147470491501300209
46. Sorokowski, P., Szmajke, A., Sorokowska, A., Borg Cunen, M., Fabrykant, M., Zarafshani, K., ... & Fang, T. (2011). Attractiveness of leg length: Report from 27 nations. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 42(1), 131–139. doi:10.1177/0022022110392229
47. Sperber, A.D. (2004). Translation and validation of study instruments for cross-cultural research. *Gastroenterology*, 126, S124–128. <https://doi.org/10.1053/j.gastro.2003.10.016>
48. Stephen, I.D., Scott, I.M., Coetzee, V., Pound, N., Perrett, D.I., & Penton-Voak, I.S. (2012). Cross-cultural effects of color, but not morphological masculinity, on perceived attractiveness of men's faces. *Evolution and Human Behavior*, 33(4), 260–267. doi:10.1016/j.evolhumbehav.2011.10.003
49. Stulp, G., Buunk, A. P., Pollet, T. V., Nettle, D., & Verhulst, S. (2013). Are human mating preferences with respect to height reflected in actual pairings? *PLoS One*, 8, e54186. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0054186>
50. Swami, V., Einon, D., & Furnham, A. (2006). The leg-to-body ratio as a human aesthetic criterion. *Body Image*, 3(4), 317–323. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2006.08.003>

51. Swami, V., Rozmus-Wrzesinska, M., Pawłowski, B., Voracek, M., Haubner, T., Danel, D., ... Furnham, A. (2008). The influence of skin tone, body weight, and hair color on perceptions of women's attractiveness and health: A cross-cultural investigation. *Journal of Cultural and Evolutionary Psychology*, 6(4), 321–341. doi:10.1556/JEP.6.2008.4.4
52. Telles, E.E. (2002). Racial ambiguity among the Brazilian population. *Ethnic and Racial Studies*, 25(3), 415–441. <https://doi.org/10.1080/01419870252932133>
53. Van de Vijver, F.J.R., & Leung, K. (1997). *Methods and data analysis for cross-cultural research*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Об авторах:

Буркова Валентина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии Российской академии наук (Москва, Россия). Научные интересы: этология человека, эволюционная психология, агрессивное и постконфликтное поведение, невербальная коммуникация, пространственное поведение, эмпатия, альтруизм и кооперация, кросс-культурные исследования. ORCID: 0000-0003-4777-0224

Бутовская Марина Львовна – член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, заведующая Центра кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии Российской академии наук (Москва, Россия). Научные интересы: эволюция социального поведения человека; невербальная коммуникация и пространственное поведение человека: взаимодействие биологии и культуры; универсальные модели социального поведения человека; факторы развития и поддержания социальных связей на внутригрупповом и межгрупповом уровне; агрессия и постконфликтные взаимодействия; поведенческая генетика. ORCID: 0000-0002-5528-0519

Симаков Николай Юрьевич – кандидат биологических наук, старший преподаватель МГИМО МИД России (Москва, Россия). Научные интересы: межкультурная коммуникация, кросс-культурные исследования, невербальная коммуникация, эмпатия, альтруизм, лояльность, цифровые технологии в процессе обучения иностранному языку и переводу, переводоведение. ORCID ID: 0000-0002-1385-0149

Получено: 27 июля 2025 г.

Принято к публикации: 25 ноября 2025 г.

CROSS-CULTURAL RESEARCH: METHODOLOGICAL CHALLENGES IN TRANSLATING MEANINGS AND CULTURAL CODES

Valentina N. Burkova

*Center for Cross-Cultural Psychology and Human Ethology, Institute of Ethnology
and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

burkovav@gmail.com

Marina L. Butovskaya

*Center for Cross-Cultural Psychology and Human Ethology, Institute of Ethnology
and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

marina.butovskaya@gmail.com

Nikolay Yu. Simakov

MGIMO University (Moscow, Russia)

nik.simakov@inbox.ru

Abstract: Researchers in anthropology and psychology conducting cross-cultural comparative studies face a range of complex methodological challenges which significantly impact the validity and reliability of their findings. Paramount among these are issues related to the accurate translation of culturally specific concepts across diverse linguistic frameworks, as well as the difficulties associated with what Thomas Hylland Eriksen termed the “translation of non-verbal acts.” The objective of this study is to analyze methodological approaches aimed at optimizing intercultural professional discourse, focusing on the precision of specialized terminology translation and the effective interpretation of non-verbal communication. This article delineates the historical trajectory of these methodological concerns, beginning with contributions from evolutionary anthropologists and progressing through to contemporary large-scale cross-cultural research initiatives. The primary methodological challenges can be categorized into three interrelated areas: (1) the semantically and contextually adequate translation of cultural concepts, which necessitates nuanced interpretative frameworks; (2) the mitigation of ethnocentric biases that may distort data interpretation; and (3) the contextualization of findings within indigenous cultural norms rather than the imposition of universal standards rooted in Western paradigms. Current advancements in cross-cultural psychology and anthropology increasingly emphasize research conducted in non-Western societies, highlighting cultural variability and establishing new benchmarks for assessing the cross-cultural validity of data. This article draws upon the authors’ ethnographic research and presents specific case studies, including a large-scale international project on COVID-19 involving respondents from 23 countries, to illustrate methodological obstacles and explore potential solutions, such as back-translation techniques. Additionally, the authors examine how globalization influences linguistic and cultural boundaries – often eroding traditional distinctions and resulting in homogenization – while simultaneously fostering a heightened awareness and assertion of local cultural identity. Thus, this synthesis aims to contribute to ongoing scholarly discourse by

proposing refined strategies for enhancing cross-cultural research rigor, with particular attention to linguistic translation, interpretative bias mitigation, and culturally sensitive analytical paradigms.

Keywords: cross-cultural studies, intercultural communication, professional discourse, cross-cultural translation, non-verbal communication, cultural norms, research methodology

How to cite this article: Burkova, V.N., Butovskaya, M.L., Simakov, N.Yu. (2025). Cross-cultural research: Methodological challenges in translating meanings and cultural codes. *Professional Discourse & Communication*, 7(4), 10–37. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-4-10-37>

About the authors:

Valentina N. Burkova, Cand. Sci. (History), is a Senior Researcher at the Center for Cross-Cultural Psychology and Human Ethology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Her research interests include human ethology, evolutionary psychology, aggressive and post-conflict behavior, non-verbal communication, spatial behavior, empathy, altruism and cooperation, and cross-cultural studies.

ORCID: 0000-0003-4777-0224.

Marina L. Butovskaya, D. Sci. (History), is a Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, and Head of the Center for Cross-Cultural Psychology and Human Ethology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Her research interests include the evolution of human social behavior; non-verbal communication and spatial behavior of humans; interaction of biology and culture; universal models of human social behavior; factors in the development and maintenance of social ties at the intragroup and intergroup levels; aggression and post-conflict interactions; and behavioral genetics.

ORCID: 0000-0002-5528-0519.

Nikolay Yu. Simakov, Cand. Sci. (Biology), is a Senior Lecturer at MGIMO University (Moscow, Russia). His research interests include intercultural communication, cross-cultural studies, non-verbal communication, empathy, altruism, loyalty, digital technologies in ELT, and translation studies. ORCID: 0000-0002-1385-0149.

Received: July 27, 2025.

Accepted: November 25, 2025.